

ИНВЕКТИВНАЯ ИПОСТАСЬ НОСИТЕЛЯ ДЕФИЦИТА ИНТЕЛЛЕКТА

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет

Поступила в редакцию 24 декабря 2016 г.

Аннотация: на материале интернет-коммуникации и текстов СМИ исследуются семантические свойства лексемы «мудак», отправляющей к дефициту социального интеллекта. По данным интернет-источников составляется «словесный портрет» носителя дефицита социального интеллекта этого типа.

Ключевые слова: мудак, дефицит интеллекта, инвектива, семантический портрет.

Abstract: semantic properties of the lexical unit “mudak”, which designates lack of social intellect, are studied on the material of Internet communication and mass-media texts. A verbal portrait of social intellect deficiency bearer is modelled.

Key words: ass-hole, intelligence deficiency, invective, semantic portrait.

В отнюдь не коротком ряду выразительных средств глупости по частоте речевого употребления в разговорной речи и в интернет-коммуникации слово «мудак» занимает далеко не последнее место. И если воплощение дефицита интеллекта в образе Иванушки-дурачка предстает своего рода российским лингвокультурным героем [1], то шукшинский «чудак на букву мэ» – это, конечно, современный антигерой Рунета.

Когда-то относительно «невинное» слово, встречавшееся, как и «дурак», в качестве прозвища-фамилии, «мудак» в современной русской (а также украинской) речи приобрело свойства достаточно «жесткой» инвективы, не перейдя при этом окончательно в разряд «матерной» лексики.

В самом общем виде «мудак» – это эмоционально окрашенный синоним «дурака» – его интензив: «**мудак:** дурак; чудак; козел» [2, Т. 1, с. 334]; «**мудак:** дурень, телепень» [3, Т. 3, с. 529]; «мудак – полуматерное выражение, обозначающее дурака, глупца» [4]; «слово “мудак” служит заменителем слов “дурак”, “идиот”, “тупица” и т.д.» [5].

Заметный «прирост» речевого употребления этой лексемы в современной русской речи объясняется, безусловно, в первую очередь включением в процесс текстообразования и коммуникации Интернета с его бесконечными возможностями, где уже имеется сайт [6], на котором выставляются стихи, поэмы и рассказы о мудаках. Активизация речевого употребления лексемы «мудак» имеет свои объяснения. Прежде всего, возможно, это общее повышение градуса коммуникативной агрессивности в сегодняшнем российском обществе, когда становятся востребованными любые инвективы и когда из «подвалов» истории языка на свет извлекаются слова с потенциально

уничижительной семантикой, как это произошло, например, с лексемой «быдло» [7, с. 16], с которой, кстати, «мудак» частично синонимизируется. Распространению обценной лексики способствует, несомненно, и общая тенденция современной речи к дегабуизации инвектив. Еще одной причиной является анонимизация общения, его «виртуализация», когда, скрываясь за «никами», в интернет-коммуникации становится возможным говорить все, что угодно, и не стесняться в выборе слов.

«Риторический статус» слова «мудак» и его стилистическая окраска в современной русской речи остаются достаточно неопределенными: по происхождению матерное, поскольку, как и большинство матерной лексики, это слово отправляет к сексуальной сфере [8, с. 201], в настоящее время как таковое оно носителями языка не воспринимается: «В современном мире слово “мудак” не считается матерным, но является оскорбительным» [9]; «Я бы сказал, что слово “мудак” является бранным, не допустимым к употреблению в серьезных местах, в культурных заведениях, при женщинах и детях, как и любое другое бранное слово, но все же это *не мат*» [10]; «Слово “мудак”... *вовсе не матерное*» [10].

Данное слово – полуцензурное и полулитературное, включаемое, безусловно, в разряд инвектив – бранной лексики [11]. О неопределенности риторического статуса этой лексемы, в частности, свидетельствует альтернативность ее графики в СМИ, где она печатается полностью (свидетельство «легализации») или с точками: «Какой же я буду без *мудей* такой *мудак*?!» (Астафьев); «И уже другим голосом рявкнул: А ты фильтруй, *мудак*» (Столица, 22.12.1997); «И он бы всем доказал, что он феерический *м...к*, а так просто *м...к*» (АиФ, 2014, № 39); «А в Ирак они полезли как идиоты! Те *м...и*, которые подталкивали Буша-младшего к интервенции, даже не обращались

к специалистам-арабистам» (АиФ, 2014, № 49). О двойственном отношении к этому слову свидетельствует, очевидно, также и замена кириллицы на латиницу в его написании: «Приняв во внимание, что слово “муда” все же считается непечатным, я, дабы не оскорблять чувствительные души, буду везде далее использовать начертание *mudak*» [12].

Двойственность отношения рядовых «пользователей» современного русского языка к этому слову можно объяснить, скорее всего, утратой или, по меньшей мере, затемнением для многих из них его «внутренней формы» – непонятностью производящей основы, пословица «Хозяйство вести – не *мудями* трясти» понимается уже далеко не всеми.

Несомненно, в восприятии носителей русского языка «мудак» – инвектива: бранное слово, адресуемое говорящим другому лицу с целью его оскорбить, т.е. «крайне обидеть, унижить; уязвить, задеть за живое» [13, с. 729]: «Не означает ничего конкретного, кроме того, что говорящий хочет *оскорбить* слушающего» [14]; «Если Вас назвали *мудаком* – то это, скорее всего, значит, что Вас хотели *оскорбить*» [5].

Ближайшая этимология слова «мудак» установлена вполне достоверно: оно производно от древнерусского «мудо» (во множественном числе «муде/муди»), означавшего мошонку с ее содержимым [15, Т. 2, с. 669–670], добавлением суффикса «-ак». Дальнейшая этимология этого слова остается достаточно неопределенной [там же].

Семантическая модель синекдохи при создании оценочной лексики как перенесения имени части на целое – в данном случае названия полового органа на личность – явление достаточно универсальное: во французском языке, например, по этой модели образованы *coillon* «дурак, трус, тряпка» (от *coquille* – «мошонка») и *con, connard* «дурак, идиот» (от *con* – «женский половой орган») [16, р. 355, 403; 17, р. 392, 442]. В то же самое время, заметим, оценочные коннотации здесь могут развиваться не только в сторону минуса – пейоративизации, но и в сторону плюса, обозначая, например, сугубо положительные черты мужчины, как это происходит в испанском языке со словом *cojones* «мошонка» – *símbolo de hombría o de valor* «символ мужества или отваги» [18, Т. 1, р. 663].

«Полулегальный» риторический статус лексемы «мудак», очевидно, обусловил ее крайне ограниченную представленность в общей лексикографии: она появляется в словнике лишь одного толкового словаря [13, с. 561], причем в достаточно «урезанном» виде. И поэтому, естественно, ее семантическое наполнение пришлось извлекать из текстов СМИ и главным образом из Рунета – сайтов, социальных сетей, блогов, чатов и пр., где коммуниканты «пишут, как думают».

При всей своей «популярности» в современной неформальной речи слово «мудак» остается малоизу-

ченным, его значение и номинат остаются достаточно неопределенными, о чем свидетельствует, в том числе, мнение его основных «пользователей»: «Туманное и незаслуженно обойденное вниманием явление, имя которому – *мудак*» [12]; «Мудак – понятие недоопределенное, хотя чрезвычайно емкое» [19]; «Само слово «мудак» уникально. Объяснить его смысл при помощи других слов, не являющихся однокоренными, нелегко» [20]. Единственное на сегодняшний день лексикографическое толкование этой лексемы («о нудном, докучливом неудачнике» – [13, с. 561]) явно недостаточно для уяснения его отличий от ближайших синонимов.

Как и у подавляющего большинства бранной лексики в семантике «мудака» преобладает коннотативная часть, складывающаяся из инвективности как желания говорящего оскорбить и унижить получателя речи, так и из оценки личностных качеств этого получателя: «*Мудак*, обзывательство. Значение: не означает ничего конкретного, кроме того что говорящий хочет оскорбить слушающего» [14]; «В настоящее время чаще всего используется в значении “нехороший человек”» [5].

Что касается предметной, денотативной части семантики этого слова, а она, безусловно, существует и именно она позволяет отделить его значение от значений прочих лексических единиц соответствующего синонимического ряда, то ее, очевидно, можно установить с определенной долей вероятности из указаний на те черты личности ее номината, которые дают основания говорящему для вынесения оценки: «Слово “мудак” описывает абсолютно конкретное понятие – человека с определенным и, что удивительно, всем известным набором личностных качеств» [20]; «Мудаки – это не просто какая-то разновидность глупцов, это было бы еще терпимо. В отличие от остальных глупцов мудаки обладают целым рядом поразительных особенностей» [12].

Если в русской культуре дураков жалеют, им сочувствуют, считается, что им по жизни везет, то к мудакам отношение бескомпромиссно нетерпимое, которое не спасает этимологизирование по поводу мужских достоинств («В слове “мудак” нет ничего особенно оскорбительного, это констатация факта, что перед вами мужчина» [5]). По мнению «пользователей», основным отличием просто дурака от дурака-мудака выступает вредоносность последнего: «Можно предложить такое рабочее определение: *мудак* – это такой дурак, от действий которого более страдают окружающие, нежели он сам» [19]; «Это дурак, который совершает глупые поступки, которые доставляют людям неприятности и раздражают людей» [9]. И если говорить о *species stultorum* – разновидностях дураков, то *мудак*, безусловно, коррелирует с дураком социальным – человеком, поведение

которого со стороны межличностных отношений девиантно и вредоносно [21, с. 112–113]: «Мудак – это человек, который не понимает, что делает. Делать может, а что именно делает, зачем, и к чему его действия ведут – в упор не видит» [20]; «Мудак – это человек, практически всегда – мужчина, который доставляет окружающим неприятности и прочий геморрой, как правило, ненамеренно» [22].

Для формирования «лексического портрета» этого слова представляется целесообразным обратиться к рефлексии носителей языка, отраженной в многочисленных наукообразных интернет-эссе и интернет-трактатах психологического и социологического толка, по большей части ироничных и «стебых», авторы которых (чаще всего анонимные) в своих попытках дать определение понятиям *мудака* и *мудачества* выступают не только как просто носители языка, но отчасти и как своего рода «стихийные» («наивные») лексикологи.

«Мудак» как разновидность дурака – приговор окончательный, «холический», сложенный из суждений о дефиците у кого-либо частных интеллектуальных, поведенческих и социальных способностей, а также из «обертон» – дополнительных личностных характеристик носителя этого дефицита.

Интернет-«мудаковедение» [23] пытается найти специфические признаки своего предмета и дать ему определение – «отразить в понятиях» («выявить общие черты, так свойственные любому мудаку» [24]), а также истолковать значение слова «мудак». Оно отмечает повсеместность и динамику роста *мудачества* («Количество мудаков с каждой секундой значительно растет, появляются различные виды и подвиды этих существ, которые мутируют между собой» [24]; «Они могут быть обнаружены почти в любом обществе» [11]) при трудности дать определение этому явлению («Достаточно трудно определить четко, что такое мудак и что именно должен совершить человек, чтобы им стать» [16]; «Точное и короткое определение mudak-а так и не найдено» [11]), в то время как «значение слова “мудак” интуитивно понятно всякому носителю русского языка, пусть даже не обремененному знаниями» [18] и «уверенное распознавание мудака возможно только на основе интуиции» [18].

Авторы этих «трактатов» и «эссе» демонстрируют свою откровенную антипатию к носителям дефицита социального интеллекта, которые «презираемы полноценными людьми за их поступки и действия» [21]: «Слово [«мудак»] приобрело значение “всцело неполноценного человека”» [5]; «Употребление слова “мудак” в нынешнее время есть намек на некую ущербность вообще – в любой сфере, в том числе и в сфере интеллектуального труда» [5].

На многочисленных примерах они показывают вредоносность мудаков и разрушительность мудаче-

ства: «Они плодят вокруг себя разруху и бардак, и только вовремя удалив их из своего круга общения, можно рассчитывать на развитие и искренние человеческие отношения» [12]; «Настоящий, матерый мудак легко и непринужденно способен изгадить результаты многодневной работы людей не только на своем рабочем месте, но и за его пределами. Самые изящные мудаческие поступки способны отбросить сообщество людей (компанию, страну, планету) в своем развитии на годы» [23]; «Наихудшая черта настоящего мудака – способность портить кровь всем, кто попадает в зону его досягаемости» [20].

Составленный по данным интернет-источников словесный портрет носителя дефицита социального интеллекта включает представления о его внешности, социальном, возрастном и гендерном статусах, «областях бытования», интеллектуальных способностях, моральных качествах, чертах характера, определяющих его отношение к себе и другим, привычках, предпочтениях и моделях поведения.

Так, это индивид, «обладающий невзрачной внешностью» [24], «глаза его, немного навыкате и чуть раскосые, смотрят ласково, как у лягушек из детских книжек, а зубы растопырены в разные стороны» [18]; у него «манерный и жеманный голос, слова-паразиты, позаимствованные из русско-английского и англо-русского слэнга, идиотский смех, громкий, звучный и режущий слух» [24]; ходит он «по-мудацки приволакивая обе ноги» [18].

Социальный статус носителя подобного интеллекта никак не определен: он не зависит от его «положения в обществе, образования или доходов» [23]: «В студенческие годы – это может быть преподаватель вашего нелюбимого предмета, на производстве, в бизнесе и политике и других областях жизни – это начальник или его заместитель» [24]. В возрастном плане это чаще всего «молодой индивид в возрасте от 15 до 55 лет» [24] – «человек возраста трудоспособного» [23].

«Области бытования» носителей дефицита социального интеллекта представлены преимущественно такими «социальными нишами», как «шоу-бизнес, отчасти журналистика и... некоторые сферы связанные с государственным управлением (в основном на среднем и нижнем уровне, наверх выбиваются людишки подлые, но смышленные)» [20]. «Будучи человеком разносторонне и глубоко невежественным, мудак посвящает свою жизнь чаще казенной службе, либо ищет место в гуще офисного планктона или в иной обители блаженных, кои попадают в организациях коммерческого толка» [21].

Носитель дефицита социального интеллекта вроде бы по определению глуп: «тупой как пробка» [5]; «туповатый» [23]; «навязчиво тупорылый» [23]; «человек, который ... ведет себя глупо, необдуманно, неадекватно» [10]. В то же самое время утверждает-

ся, что он «вовсе не обязательно туп» и «с ним можно прекрасно общаться и даже учиться у него кое-чему, пока вдруг *мудачинка не выскочит* из него, как черт из табакерки [19], что он «*может обладать вполне приличным интеллектом*» [12].

Его отличительной чертой является абсолютная неспособность понять другого, «*внутренняя глухота*» [23]; «При общении с *mudak*-ом у вас никогда не создается уверенности, что человек вас *понял*. То есть по всем критериям вроде бы все в порядке, вы можете задать вопросы и получить ответы вполне удовлетворительные, но вам не избавиться от ощущения, что он вас *не понял*» [12].

Носитель дефицита социального интеллекта непоколебим в своих суждениях и оценках, которые он агрессивно навязывает другим, и в своей правоте: «Видообразующим признаком *мудака* является его обскурантизм, выражающийся в отрицании возможности существования иной, отличной от *мудаческой* точки зрения на события, факты и явления» [23]; «Вера *мудака* в свою правоту бездоказательна, непоколебима и безусловна» [23]; «Наверное, главная отличительная черта *мудака* – это упертость в паре со священной уверенностью в собственной правоте [12]; «*Мудак* уверен, что он – герой Советского Союза, а все, кто с этим не согласен, – *мудаки*» [23].

Носитель дефицита социального интеллекта агрессивен, злобен и злопамятен [23]; он самодоволен и абсолютно не критичен по отношению к своей собственной персоне [20]. Он чудовищно обидчив, особенно в вопросах секса [12], жизнь его ничему не учит: «*Мудаческие* деяния частенько отпрыгиваются *мудаку* горячими слезами. *Мудака* это не пугает, а только закаливает и укрепляет в своих верованиях, будто тамплиера, оберегающего священный грааль от посягательств Ватикана» [23]. Он лишен стыда и совести («*Мудак* же, находясь в гармонии с субстанцией, заменяющей ему совесть, хоть и осознает неприемлемость своих поступков для других людей, но не стремится этого» – [23]), в среде таких индивидуумов «гносный подвох является наиболее человеческим способом поведения» [12].

Носитель дефицита социального интеллекта занудлив, педантичен и назойлив: «*Мудак* внимателен, будто муха на навозной куче, и столь же *докучлив*» [23]; «*Mudak*-и обычно имеют жесткий распорядок дня, последовательность их действий в быту часто жестко закреплена и при этом вполне логична. Он не просто следует жесткой структуре поведения, которую считает правильной, но и активно навязывает это всем окружающим» [12]. Он хамовит и бесцеремонен: «Своей жизнедеятельностью вторгается в зону комфорта и безопасности других людей» [19].

«Еще одна характерная черта *mudak*-ов – их естественная склонность к чрезмерной бюрократии» [12];

«Когда нет должного контроля, когда от бюрократа требуется лишь быть бюрократом, вероятность просачивания на эту должность *mudak*-а чрезвычайно велика» [12].

Представителям носителей дефицита социального интеллекта свойственен стадный инстинкт: «*Mudak*-и в большей степени, чем другие люди, склонны к стадной жизни» [12]; «*Мудак* *мудака* видит издали и тянется к представителю своего вида – ведь *вместе и батьку легче бить* (самый *мудаческий* поступок, вошедший в поговорку)» [23].

Дефицит социального интеллекта врожден и неизлечим, его носители не исправимы: «*мудаки* неизлечимы» [23], их «бесполезно наказывать – наказание подразумевает исправление и осмысление поступков, а это невозможно» [там же].

Вежливость и воспитанность отнюдь не исключают дефицита социального интеллекта: «Человек может быть безукоризненно вежлив и соблюдать все писанные и неписанные правила этикета – и всё же быть *мудаком*» [20].

Свою сущности носители дефицита социального интеллекта маскируют «служебным рвением, радением во благо отечества, суровыми инструкциями и неукротимым раздражением в адрес нарушителей установленного порядка» [23]. Речь их лапидарна и «заштампована»: «”Так не положено”, “Это у нас не делается”, “Москва не разрешит” – типичные аргументы, приводимые *мудаком*» [там же].

По своим жизненным установкам такой носитель дефицита социального интеллекта – «это человек, упорно достигающий часто сомнительных (но не обязательно корыстных) целей способами, идущими вразрез с общепринятыми деловыми, социальными, этическими нормами» [23]. И «нет ничего более ужасного, чем *мудак*, дорвавшийся хотя бы до минимальной власти» [20].

Как представляется, данные интернет-текстов позволяют составить некое подобие «фоторобота» типичного носителя дефицита социального интеллекта – его словесный портрет.

Это достаточно распространенный тип малосимпатичного и ущербного во всех отношениях человека, действия и поступки которого вредоносны для окружающих и общества в целом. Его социальный статус достаточно неопределен, как правило, это мужчина трудоспособного возраста, занимающий на службе какую-нибудь должность низшего звена управления. Он, за редким исключением, от природы глуп, абсолютно не способен понять другого, непоколебим в своих суждениях, убежден в своей правоте, нетерпим к чужому мнению, агрессивен, самодоволен, обидчив, упрям, не способен учиться на своих ошибках, лишен стыда и совести. Он занудлив и педантичен, хамовит и бесцеремонен, склонен к чрезмерной

бюрократии и отличается стремлением к стабильности. Дефицит социального интеллекта врожден, его носители неисправимы.

Таким образом, слово «мудак», частотность речевого употребления которого в современной русской речи значительно возросла, приобрело свойства достаточно «жесткой» инвективы, не перейдя при этом окончательно в разряд «матерной» лексики. Его речевая активизация объясняется общим повышением градуса коммуникативной агрессивности в современном российском обществе и анонимизацией общения в Интернете.

«Риторический статус» слова *мудак* и его стилистическая окраска в современной русской речи остаются достаточно неопределенными: по происхождению матерное в настоящее время как таковое оно носителями языка не воспринимается.

Ближайшая этимология слова *мудак* установлена вполне достоверно, дальнейшая этимология этого слова остается неясной.

Как и у подавляющего большинства бранной лексики в семантике *мудака* преобладает коннотативная часть, складывающаяся из инвективности и оценки личностных качеств номината последнего.

Если в русской культуре дураков жалеют, им сочувствуют, то к *мудакам* отношение бескомпромиссно нетерпимое. По мнению «пользователей» этой лексической единицы, основным отличием просто дурака от дурака-*мудака* выступает вредоносность последнего.

(Окончание статьи см.: Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. «Сказка – ложь, да в ней намек» : Иван-дурак как лингвокультурный герой / С. Г. Воркачев // *Lumen natural* : аксиология интеллекта в языке. – М. : Флинта, 2017. – С. 207–224.

2. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. – М. : Астрель, 2002. – Т. 1. – 781 с. ; Т. 2. – 990 с.

3. Этимологический словарь украинского языка (на украинском языке) : в 7 т. – Киев : Наукова думка, 1983.

Кубанский государственный технологический университет

Воркачев С. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры научно-технического перевода

E-mail: svork@mail.ru

Тел.: 8 (861) 259-75-23; 8-918-49-44-580

4. Режим доступа: <http://traditio-ru.org/w/index.php?title=Мудак&oldid=330353>

5. Режим доступа: <http://otvet.mail.ru/question/11002233>

6. Режим доступа: <http://www.mudaki.org>

7. Воркачев С. Г. «Быдло» как ключевое слово Рунета / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 16–26.

8. Ильясов Ф. Н. Мат в три хода (опыт социологического исследования феномена нецензурной брани) / Ф. Н. Ильясов // Человек. – 1990. – № 3. – С. 198–204.

9. Режим доступа: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/506978-javljaetsja-li-slovo-mudak-materschinnyum--a-esli-da-to-pochemu.html>

10. Режим доступа: <http://elhow.ru/stati-dlja-vzroslyh/kultura-1/nenormativnaja-leksika/kto-takoj-mudak>

11. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика : цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // Русистика. – 1994. – № 1/2. – С. 50–73. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>

12. Режим доступа: <http://tomatowsson.narod.ru/mudaki.html>

13. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

14. Режим доступа: <http://teenslang.su>

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Астрель-АСТ, 2003.

16. Le Petit Robert : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Т. 1. – P. : Le Robert, 1990.

17. Lexis : dictionnaire de la langue française. – P. : Larousse, 1993. – 2109 p.

18. Moliner M. Diccionario de uso del español : en 2 v. / M. Moliner. – Madrid : Gredos, 1986.

19. Режим доступа: <http://sterwa.ru/Мудак>

20. Режим доступа: <http://lurkmore.to>

21. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «английский чудак» / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М. : Гнозис, 2006. – 240 с.

22. Режим доступа: <http://kolyan.net/index.php?news-id=30324>

23. Режим доступа: <http://www.casta.ru/main/best/1276124153-traktat-o-mudakah.html>

24. Режим доступа: <http://djilkina.livejournal.com/7520.html?nojs=1>

Kuban State Technological University
Vorkachev S. G., Doctor of Philology, Professor of the
Scientific and Technical Translation Department

E-mail: svork@mail.ru

Tel.: 8 (861) 259-75-23; 8-918-49-44-580